

Талиб / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Талиб / рассказ ТАЛИБ

Мы познакомились за пару лет до американского вторжения. Я работал тогда в Исламабаде, Аламзеб Нарази – тоже. Только я в российском посольстве, а он – в афганском. Исламского эмирата Афганистан.

Числился первым секретарем, но дипломатические премудрости только осваивал. После 1996 года профессиональных дипломатов в Афганистане не осталось: одни сбежали, других убили. Мулла Омар не был уверен, что они нужны. Неисламский мир, особенно его западная часть, воспринимался как враждебное окружение, которое следовало уничтожить. Примерно так в свое время размышляли большевики, с поправкой на образ врага, разумеется. Кричали, что буржуев надо бить, а не разговаривать с ними. В свете мировой пролетарской революции дипломатия представлялась ненужной и вредной. Став наркомом по иностранным делам, Троцкий говорил, что занял этот пост для того, чтобы «прикрыть лавочку».

Большевики были молодыми максималистами и романтиками, верившими в неосуществимые идеалы. Как и талибы. Все революции делаются молодежью. Это относилось и к той, которую затеяли ученики медресе. Мулле Омару в год падения режима было немногим за сорок, Аламзебу и тридцати не исполнилось. Он преподавал математику. в начальной школе. Потом взял в руки автомат, чтобы избавить страну от моджахедов, которые ввергли ее в кровавый хаос.

Талибы все же сообразили: сразу со всеми врагами не разделаться, какое-то время придется с ними общаться. Пришлось подыскивать преданных товарищей на роль дипломатов. Учитель сгодился.

Мулла Омар установил дипломатические отношения с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Пакистаном, но посольство открыл только в Исламабаде. Аламзеб там был

единственным, кто мог с грехом пополам вести переговоры, ходить на приемы, не выглядя при этом обыкновенным бандитом. Помимо арабского, пушту и урду, он говорил по-английски, кое-что смыслил в международной политике и экономике.

И все же на полноценного дипломата не тянул. Протоколу был не обучен, на обедах и ужинах с трудом разбирался в столовых приборах. Своих симпатий и антипатий скрывать не умел, при встречах с представителями «вражеских» государств отбегал в сторону, а если не получалось – упорно молчал и с ненавистью буравил собеседника черными, похожими на маслины, глазами.

Выглядел внушительно. Высокого роста, плотный, с крупными чертами лица. Черный тюрбан (неизменный атрибут) нависал над густыми бровями. Но очки в простой оправе, которые постоянно сползали на кончик носа, придавали ему интеллигентно-застенчивый вид. Бороду он аккуратно подстригал, причем короче, чем это допускалось религиозными требованиями.

Клерикалы вообще призывали не трогать эту важную деталь мужского облика. Фазл-ур-Рахман, лидер пакистанской партии «Джамиат-улема-и-Ислам», помогавший воцарению муллы Омара, однажды сказал мне: «Разве можно стричь бороду? Ведь на каждом волоске висит по ангелу!». Разумеется, это был перехлест, и на деле достопочтенный Фазл позволял цирюльнику касаться ножницами растительности на своих щеках. Пророк призывал правоверных не носить бороду слишком короткую («будто вы просто небриты») и слишком длинную, «как у евреев». Поэтому в Исламском эмирате ее длина строго регламентировалась и определялась следующим образом: зажатая в кулак, она должна была высовываться из него не более чем на ладонь.

Борода Нарази напоминала скорее элегантную бородку, и ухватить ее не смогла бы даже детская ручка.

С Россией талибы поссорились из-за событий в Чечне. Не смогли предать братьев по вере и признали «независимую Ичкерия». Российскому посольству было поручено заявить протест, и я отправился в дипмиссию талибов.

Она размещалась в двухэтажном особняке в центре города. Оставив машину у ворот, прошел по узкой садовой дорожке,

толкнул входную дверь. В небольшом холле дюжина афганцев восседала вдоль стен на деревянных скамейках. Смотрели исподлобья, на традиционное «ассалам-алейкум» не ответили. У меня мелькнула мысль, что эти молодцы могли прятать «калашниковы» под своими просторными шальвар-камизами. Прибежал юркий юноша, провел в просторную комнату, где на узком диванчике расположился Нарази. Он вежливо поздоровался. Объяснил, что посол занят, а потому лишен удовольствия лично выслушать демарш. Ясен пень, глава миссии ощущал определенное неудобство – еще недавно он заверял меня, что Кандагар не намерен признавать Чечню. Чтобы было понятно – штаб-квартира Муллы Омара находилась в Кандагаре, не в Кабуле.

Я зачитал демарш, весьма вызывающий. Москва обвиняла талибов в подрыве российского суверенитета, а заодно делилась своими сомнениями в легитимности Исламского эмирата.

Нарази старался сохранять непроницаемое выражение лица. Правда, глаза-маслины выдавали определенное беспокойство, суетливо бегали за стеклами очков. Первый секретарь мучился вопросом: нужно ли продемонстрировать свое возмущение и попросить российского дипломата выйти вон или дотерпеть до конца. Необходимых инструкций у него, как видно, не было, а брать на себя ответственность не хотелось.

Когда я закончил, он сдержанно заявил, что демарш будет доведен до сведения руководства. Затем встал, давая понять, что беседа (если ее можно так назвать) закончена. Но на прощание я решил его расшевелить:

– Признав «Независимую Ичкерия», Исламский эмират ничего не приобрел, ну, отвесил России оплеуху. А потеряно многое. Налаживание нормальных отношений могло улучшить ваши позиции. Зачем огород городить? Спрашиваю не из любопытства, России важно знать, как дальше себя вести с вами.

Нарази опешил, придвинул очки к переносице, поворачивал глазами.

– Наш главный принцип – защита мусульман, где бы они ни находились. Напав на Чечню, Россия сама...

Я не дал договорить.

– Чтобы защищать российских мусульман, нужны хорошие отношения

с Москвой, а не плохие

Нарази моргнул, спустил дужку очков и, глядя сквозь меня, сказал, что у нас, как он «надеется», еще будет возможность продолжить «интересную дискуссию».

Следующая встреча произошла неделю спустя, на иранском приеме. Там было столпотворение. Легко затеряться, без помех поработать с нужными людьми, не привлекая внимания. Совершая четвертый или пятый круг по обширной лужайке, я узрел забавную парочку: Аламзеба Нарази и российского советника Подпругина, отличавшегося необыкновенной словоохотливостью.

Минуты две наблюдал, как афганец озабоченно пробирался между гостями и гостьями, столиками, колоннами, чанами с пловом и кебабами, в надежде оторваться от Подпругина, но тщетно. Тот вел его с железной настойчивостью, не закрывая при этом рта. Губы и язык советника энергично двигались, выпускали в воздух бесконечную словесную вязь, заставлявшую Аламзеба вздрагивать и втягивать голову в плечи.

Я остановил маленького, юркого маврикийца, который был мне обязан, кое-что шепнул. Маврикиец улыбнулся и устремился к Подпругину. Тронул за толстое плечо, принялся церемонно здороваться. Подпругин тоскливо глянул вслед исчезающему Нарази и остановился для ответного приветствия.

Афганец перевел дыхание, добрел до стульев в углу шатра, уселся и закурил. Там я его и настиг.

– Ассалям алейкум.

– Ваалейкум ассалям, – без энтузиазма откликнулся Нарази.

– В связи с нашей предыдущей встречей я хотел бы...

Нарази оборвал меня:

– Вы из разведки. – Это прозвучало резко, грубовато.

– Даже если так, – пожал я плечами, – что тут такого?

– Ваш напарник уже пытался меня разработать. Теперь вы?

– Это Подпругин-то? – я расхохотался. – Почему вы так решили?

– Языки знает. Пушту... Значит, из спецслужбы, – заявил афганец, но уверенности в его голосе убавилось.

Я продолжал смеяться, и Нарази смутился.

– Русские – враги афганцев. – Он поднялся со стула с явным намерением оставить меня в одиночестве.

– Боитесь говорить со мной? Вам запрещено?

По лицу первого секретаря пробежала тень, и я понял, что попал в точку.

– Если не общаться, то можно навсегда остаться врагами.

– Таково распоряжение муллы Омара. Не вступать в контакт с русскими дипломатами.

– Почему?

– Потому что вы убиваете мусульман! Мужчин, женщин и детей!

Это был решающий момент, и он требовал четкой, выверенной реакции.

Я подался вперед, выпалил нервно и зло:

– С чего вы взяли, что я одобряю события в Чечне?

Нарази, уже собравшись уходить, застыл как вкопанный. Выдавил из себя:

– Извините...

– Принимается, – бросил я после чего сумрачно распрощался. Не стоило пережимать, лучше было закончить на этой ноте и продолжение беседы отложить.

Я покривил душой, едва ли тогда существовал другой способ разделаться с Басаевым и Хаттабом, кроме силового. Но мне было важно добиться расположения Нарази. Я знал, что он не простак и не такой «интеллигент», каким мог показаться. Может, его голову не столь сильно забивала фундаменталистская дребедень, как у прочих талибов, но все равно – забивала. Он не был тепличным растением. Сражался под Кабулом, участвовал в захвате Мазари-Шарифа. И, тем не менее мог пойти на контакт. Очередной встречи пришлось ждать долго. Специально искать ее я не хотел, да и других дел было невпроворот. Рассчитывал на удачный случай, и он подвернулся.

В начале 2001 года Исламабадский институт политических исследований устроил семинар с участием профессора из США Джорджа Вейбаума. Присутствовали сливки местной академической элиты, дипломаты, в том числе – Нарази. Руководство института костьюм легло, чтобы его заполучить. Заезжий янки вещал о перспективах афганского развития, и в отсутствие «живого талиба» настоящего обсуждения получиться не могло.

Вейбаум – лысый человек в мешковатом костюме, сурово

критиковал режим муллы Омара, который уводил Афганистан со столбовой дороги прогресса. Однако спорил с теми, кто предлагал ломать талибов «через колено», поскольку насильственные действия, мол, не могли дать долговременного эффекта. Политика международного сообщества нелогична: то Кандагару грозят дубинкой, то гладят по головке и снабжают «гуманитаркой». Нужны новые подходы – оказание Исламскому эмирату масштабной экономической и технической помощи, что-то вроде плана Маршалла. С тем, что это – прямое поощрение полуфашистского теократического режима, ученый категорически не соглашался. Талибы-де только воевать могут, к мирному строительству не приспособлены. Поэтому их вовлечение в это самое «строительство» выявит их несостоятельность, и они вынуждены будут либо уступить место более жизнеспособным элементам, либо трансформируются в «достойных представителей современной цивилизации». Словом, полная галиматья.

Я не удержался и прокомментировал. План, сказал, хороший, но не очень. Талибов в чем угодно можно обвинить, только не в глупости. Иначе они бы не добились того, чего добились. И не факт, что они не используют «масштабную помощь» к собственной выгоде. При этих словах Нарази улыбнулся уголками рта.

Вейбаум проблеял, что «опасность такая есть», но нельзя сидеть сложа руки, и риск оправдан. От напряжения вспотел и, показав хорошее воспитание, попросил у аудитории позволения снять пиджак («ваши вопросы меня разогрели»). К этой фразе не преминул прицепиться замдиректора института – отставной бригадир, плейбой и задира, отличавшийся раскованной манерой одеваться. Он всегда расстегивал рубаху до пупа, выставляя на обозрение публики майку и волосатый живот. Так вот, этот самый бригадир громогласно выразил надежду, что на пиджаке Вейбаум остановится, дальше раздеваться не станет. И заразительно рассмеялся, довольный собственной остротой. Хотя никто его не поддержал, скептическое отношение к выкладкам американца усилилось.

Затем выступил Нарази. Он говорил на пушту, а на английский

переводил один из научных сотрудников. Талибское руководство обязывало своих чиновников изъясняться только на пушту, любые отклонения от этого правила рассматривались как опасная ересь. Говорил гладко, по-своему убедительно. Похвалил Вейбаума, призвал расширять связи международного сообщества с Исламским эмиратом. Однако ни словом не обмолвился о превращении талибов в «цивилизованных представителей», на что так рассчитывал американец.

Для меня главным было то, что Нарази не сказал ничего дурного о России и русских, хотя в те дни вся талибская верхушка честила Москву и ее политику. Собственно, это было защитной реакцией на воинственную риторику кремлевской администрации, грозившей Кандагару ракетными ударами. Единственное, что позволил себе афганец, так это напомнить о последствиях советской агрессии в Афганистане, которая ввергла эту страну в пучину всяческих бед. Когда же переводчик допустил ошибку (возможно, сознательную), сказав, что речь идет о «российской агрессии», Нарази поправил: «Вторжение в Афганистан осуществил Советский Союз».

После семинара я подошел к нему, протянул руку:

– Спасибо.

Афганец смутился. Вокруг уже никого не было, последние из приглашенных усаживались в автомобили. Директор института и бригадир увлекли Вейбаума на зеленую лужайку, где были расставлены столики и кресла. Угостив профессора чаем, пакистанцы затеяли важный для них разговор о грантах для стажировки в США. Поколебавшись, Нарази пожал мне руку.

– Я не сказал ничего особенного.

– Вы кое-что не сказали, вот что важно.

Нарази переминался с ноги на ногу.

– За мной должны прислать машину...

Достав мобильник, набрал номер, после короткого разговора хмыкнул.

– Забыл, бездельник, – имелся в виду шофер. – Скоро подъедет.

Мы закурили. Молча стояли и наслаждались зимним солнцем, готовым закатиться за горизонт. Тотчас похолодает, станет зябко и противно.

Возникшая пауза не тяготила, обоюдное молчание подчеркивало взаимную симпатию, которую внезапно почувствовали друг к другу русский и афганец. Им никогда не стать друзьями, даже приятелями. Тем более ценными были эти минуты. Мы глубоко втягивали дым, стараясь не думать о той реальности, которая разводила нас по разные стороны баррикад. Первый вспомнил о ней афганец.

– Насчет ракетных ударов – это серьезно?

Имелись в виду обещания помощника российского президента и министра обороны повторить американскую акцию 1998 года. Тогда Билл Клинтон приказал выпустить по территории Афганистана серию «томогавков» в надежде уничтожить Усаму бен Ладена. «Томогавки» взорвались среди голых скал, не причинив никакого вреда.

Я не стал увиливать от ответа. Может, в силу мимолетного ощущения родства душ.

– Нет.

Это прозвучало настолько определенно, что афганец вздрогнул. Он еще переваривал услышанное, когда во двор института вкатился «мерседес». Из-за руля выполз шофер, страдальчески наморщивший лоб. Наверное, ждал разноса. Однако Нарази было не до него. Наклонившись ко мне, он шепнул:

– Жаль, что наши правительства...

– Не могут найти общий язык?

– Возможно, когда-нибудь...

Прошло несколько месяцев, мы виделись только мельком, на официальных мероприятиях. Отношения между Россией и Исламским эмиратом продолжали ухудшаться. Я хотел слетать в Кабул с ооновцами, но мне отказали в визе.

Американцы и европейцы гнули свою линию на умиротворение талибов. От тех требовалась, казалось, мелочь: выдать Усаму и допустить в страну западный капитал. Однако мулла Омар, ссылаясь на законы гостеприимства, отказывался лишить убежища террориста и вообще испытывал терпение Запада. В борьбе за исламскую чистоту приказал уничтожить историко-культурные памятники, гигантские изваяния Будды в Бамиане. Десять дней подряд их расстреливали из пушек и пулеметов, рвали

взрывчаткой. Пожалуй, именно тогда стало ясно, что «план Маршалла» и прочие химерические схемы обречены на провал. События 11 сентября и боевая операция «Несокрушимая свобода» окончательно расставили все на свои места.

Нарази позвонил мне в начале ноября и попросил о встрече. Оставались две недели до взятия Кабула, в исходе никто не сомневался. Талибы не сумели организовать сопротивление, американцы не жалели денег на подкуп полевых командиров. Посольство в Исламабаде пока что действовало, однако пакистанцы советовали послу Заифу и его подчиненным: убирайтесь, неровен час, выдадим вас на закланье.

Нарази попросил о встрече «по неотложному делу». Я не сразу дал ответ, сказал, что перезвоню. Россия была союзником США по антитеррористической коалиции, сепаратные контакты с талибами можно было квалифицировать как двурушничество.

В посольстве мнения разделились. Советник-посланник, всегда осторожничавший, был категорически против. В крайнем случае предлагал запросить Москву – в надежде, что пока придет ответ, все как-нибудь «само собой рассосется». А я считал, что на встречу нужно идти.

Окончательный вердикт вынес посол. Подставляться перед американцами и Центром ему не хотелось, но кто знал, как все сложится... Вдруг его обвинят в политической близорукости, в отсутствии профессиональной смелости? Поразмыслив, он принял соломоново решение: на встречу идти (объяснив Москве, что оперативные обстоятельства заставляли действовать без промедления), а после не только «отписаться» о ее результатах, но и доложить американцам.

Через полчаса я перезвонил Нарази. Местом встречи назначили уютный китайский ресторан, где днем почти не бывало посетителей. За десять-пятнадцать минут до моего выезда, из центральных и «хозяйственных» ворот выехали двое сотрудников, пользовавшихся повышенным вниманием наружки. Они увели ее, и до самого ресторана я ехал без сопровождения. Однако Нарази притащил за собой хвост, так что топтуны отирались у ресторанного крыльца на протяжении всего разговора.

Несмотря на осень, в помещении было жарко. Из-под тюрбана Нарази на лоб скатывались крупные капли пота.

– Тебя плотно опекают, – я кивнул на топтунов.

Нарази жалко улыбнулся. Вообще, он выглядел нехорошо. Лицо потускнело, щеки запали, некогда аккуратная борода нуждалась в уходе. Глаза отражали внутреннее беспокойство и отсутствие особых надежд. Когда он заговорил, стало ясно: то, что он предлагает – полная чушь. Скорее всего, это понимал и афганец, а потому говорил бесцветно, даже уныло.

Ему было поручено довести до сведения держав, которые талибы считали естественными соперниками США – России и Китая, – предложение объединиться «пока не поздно» и остановить американскую империалистическую экспансию. Другими словами, пригрозить Вашингтону и спасти Исламский эмират.

Я сказал, что, конечно, все передам руководству, но подобное предложение поступает слишком поздно, раньше нужно было думать, а не собачиться из-за Чечни. Я мог бы добавить, что ни Москва, ни Пекин не станут ломать копья из-за талибов, ставя под угрозу свои экономические и финансовые интересы, «завязанные» на США. Однако промолчал, полагая, что Нарази и так сообразит, что к чему.

Афганец плотно сцепил пальцы, уставившись отсутствующим взглядом в блюдо, к которому так и не притронулся – цыпленок в миндальном соусе. Подняв голову, тихо спросил:

– Вы нас ненавидите?

Я покачал головой.

– Лично вы мне нравитесь. Что касается отношений между государствами, то какие там эмоции... Россия не мстит, просто исходит из политической реальности. У нее нет другого выбора.

– Выбор всегда есть, – произнес Нарази. – Разве вы не понимаете, что, разгромив нас, американцы возьмутся за Россию, Китай? Разве американское присутствие в регионе выгодно Москве?

Я мог бы сказать, что российское правительство отлично понимает, чего хотят США, но противопоставить этому нечего. Не талибов же, которых взрастили сами американцы в надежде таким образом укрепить свое влияние в Афганистане. Даже в моменты

самых острых противоречий с Вашингтоном мулла Омар предпочитал его Москве. Если бы Россия вытасила талибов из дерьма, едва ли можно было ожидать от них благодарности.

Не дождавшись ответа, Нарази расстроился.

– У меня есть личная просьба.

Он достал из бумажника снимок, запечатлевший темноволосую молодую женщину с ранней сединой и двух девочек лет пяти или шести. У женщины был утомленный вид, чада весело смотрели в объектив.

– Это моя семья, – он бережно держал в руке фотографическую карточку. – Я их уже полгода не видел.

– Где они?

– В Самангане.

Я нахмурился. Этот город заняли отряды узбекского генерала Рашида Достума.

– Если это возможно, – Нарази замялся, – ну... выяснить по вашим каналам. У меня с ними нет никакой связи.

Я пообещал сделать все возможное, на том и простились.

– Увидимся, иншалла [1], – улыбнулся афганец, но улыбка вышла неуверенной.

Узнать в то время о чьей-то судьбе в Афганистане, где свирепствовала гражданская война, казалось невыполнимым. Однако мне повезло. Я связался со своим знакомым, прикомандированным к штабу отрядов Северного альянса. Тот сумел быстро все выяснить.

До афганца я не дозвонился. Посольство талибов опустело, телефоны отключили. Мобильный Нарази был вне зоны доступа. Я подумал: может, оно и к лучшему.

13 ноября войска северян взяли Кабул. Талибы ушли из власти, но не прекратили сопротивления, развернули террор. И случилось вот что...

В Пакистане из туристических маршрутов особой популярностью пользовалось «сафари на паровозе». Так называлась железнодорожная экскурсия по знаменитому Хайберскому проходу, соединяющему Пакистан и Афганистан через хребет Сафедкох. Небольшой состав тянул реликтовый локомотив, построенный в Великобритании в 1913 году на заводах компании «Кингстон».

Паровоз, и три старинных вагончика были тщательно отреставрированы, заново выкрашены и вылизаны до блеска. Все латунные и хромированные детали огнем горели, столетний двигатель СГ-060 (его называли «черной красоткой») фырчал ровно и успокаивающе. Игрушка, а не поезд.

В очередную экскурсионную поездку отправились сотрудники российского посольства – с женами и детьми. После сентября 2001 года они с тоски выли. Сидели безвылазно в компаунде, никаких развлечений, вылазок в горы, в парки, посещений ресторанов. Меры безопасности были просто сумасшедшими. Теперь их ослабили, разрешили выезжать за пределы Исламабада, и наша публика ошалела от запаха свободы.

Хайберское «сафари» манило. Романтики и экзотики хоть отбавляй. Начнем с того, что эту «железку» строили с учетом возможного нашествия русских. Англичане всегда подозревали Россию в экспансионистских замыслах и не жалели средств на оборону. 42-километровая железная дорога от Пешавара до Ланди Котала обошлась в шесть миллионов фунтов. С инженерной точки зрения, она не имеет себе равных. Проложена на высоте 3,494 футов над уровнем моря. Первые двадцать километров поднимается вверх, затем стремительно опускается. Проехать по ней – настоящий аттракцион. 34 туннеля, 92 моста. Крутые повороты, зигзаги. В одном месте изгибы полотна точь-в-точь повторяют рисунок буквы «дабл'ю».

Но вокруг было небезопасно, зона племен, там никакие федеральные законы не действовали. Самые замечательные места для дакойтов [2], убийц и террористов.

...Меня разбудили среди ночи. Не звонком, а грубым стуком в дверь. В те дни работы была тьма, усталость брала своё. Я решил устроить себе день отдыха. Отключил телефоны и рухнул в постель в надежде спать, пока спитесь. Не вышло.

В дверь колотил мой приятель, журналист Лева Иконников, который отправил на экскурсию супругу и дочку. С трудом сбросив с себя сонное оцепенение, я посмотрел на часы: три ночи. Сначала подумал, что гроза – гулкие удары напоминали гром – однако быстро понял свою ошибку.

Иконников был бледен как мертвец. С первых слов стало ясно,

что произошла трагедия, страшная и обиденная. Страшная для любого человека и обиденная для Пакистана. Подобное случается в тех местах так часто, что начинаешь к этому привыкать. Пока это не случится с тобой или с твоими близкими.

Сафари началось в девять утра, как и полагалось. Экскурсантов было человек тридцать, и они свободно разместились в пассажирских вагонах. В основном, русские женщины и дети, но среди них затесались два немецких туриста и семья итальянского дипломата.

Апрельское солнце припекало, однако одуряющая жара, характерная для пакистанского лета, еще не наступила. Воздух был пропитан весенней свежестью, за окнами сменяли друг друга красочные пейзажи: желто-бурые горы, острые как бритва скальные выступы, головокружительные ущелья, и все это под ярко-синим небом. В форте Джамруд поезд приветствовали музыканты-волынщики в шотландских килтах, в Шагае – фольклорный ансамбль. Два десятка юношей били в барабаны, подвешенных у них на груди, бегали по кругу и пели народные песни, выводя залихватские рулады.

К часу поезд добрался к Ланди Котала, где был запланирован сытный обед и пешая прогулка по окрестностям. Ни то, ни другое реализовать не удалось: станцию захватил отряд боевиков, который перебил немногочисленную полицейскую охрану и встретил экскурсионный поезд воинственными криками и пальбой. Помощника машиниста (бедняга пытался протестовать) прикончили на месте, но к пассажирам насилия не применяли. Их объявили заложниками, о чем тут же уведомили штаб армейского корпуса Северо-западной пограничной провинции. Оттуда ушли сообщения в Исламабад: в Объединенное разведуправление, в антитеррористическое управление МВД и в посольства.

Требования бандитов не отличались оригинальностью: освободить их товарищей из пакистанских тюрем и выплатить миллион долларов. Бывало, запрашивали и больше. На размышление дали двадцать четыре часа. В случае отказа обещали умертвить пленников и сражаться насмерть с командос, оцепившими железнодорожную станцию. Эта перспектива представлялась весьма вероятной: пакистанцы обычно не шли уступки, предпочитая горы

трупов обвинениям в мягкотелости. Генеральный директор разведки невозмутимо проинформировал об этом российского посла. Тот схватился за голову, отбил телеграмму в Центр и решил, что дни его пребывания в Пакистане сочтены. Трагедия с заложниками могла поставить крест на дипломатической карьере. В надежде как-то повлиять на развитие событий он предложил послам Италии и Германии нажать на Исламабад, чтобы повременить с началом силовой акции, пока с террористами не переговорит дипломатический представитель. Пакистанцы согласились, решив, что такой вариант им на руку. Он снимал часть ответственности с армии и спецслужб в случае неудачного завершения операции и гибели иностранцев. Мол, никто не сомневался, что риск велик, но все мирные варианты отработали, вот и пришлось идти на штурм.

Как вы уже догадываетесь, меня отправили переговорщиком. Об этом и спешил сообщить Иконников. Когда я выехал в Пешавар, до окончания ультиматума оставалось двенадцать часов. Когда добрался до Ланди Котала, количество этих драгоценных часов сократилось до шести.

Меня провели по вагонам – показать, что заложники живы-здоровы, ничего с ними не случилось. Провели быстро, чтобы я не успел ни с кем вступить в контакт. У меня, конечно, кошки на сердце заскребли при виде женщин и детей: измученных, осунувшихся. Понимали, что их могут убить и отсчитывали оставшиеся им часы жизни.

Потом меня доставили в здание станции, где расположился командир отряда. Увидев его, я не знал, плакать или радоваться. Это был Нарази. Бородку сменила густая борода, на обветренном лице – печать жестокости и фанатизма, губы решительно сжаты. Будь на его месте другой полевой командир, не было бы сомнений – как вести себя, договариваться. А теперь... Появление Нарази могло быть большой удачей. Но, возможно, исключало компромисс.

Не помню, как я выразил свое изумление. Может, руками развел, поднял брови или сказал что-то вроде: «Надо же! Это ты!».

Со стороны Нарази никаких жестов или мимических движений не последовало. Он смерил меня взглядом, скорее равнодушным,

нежели враждебным.

– Когда ты ехал сюда... Ты знал, что я здесь?

Притворяться было незачем, я не знал, так и ответил.

– А если бы знал – тоже бы поехал?

– Почему нет? Даже если бы тут командовал сам черт. Среди заложников женщины и дети. Ты убьешь их через шесть часов. Разве я не должен попытаться спасти их?

– И как ты собираешься это сделать?

Я призвал проявить милосердие, гуманизм и здравый смысл, сославшись на то, что терроризм повредит борьбе афганского народа за свое освобождение. Наразии презрительно усмехнулся:

– Допустим. Но что взамен? Переговоры – это торг, а ты не торгуешься, только просишь. Мы не против гуманизма и милосердия. Так проявите его первыми! Освободите наших бойцов. Я виновато пожал плечами.

– Это зависит от пакистанцев...

– А они не желают с нами разговаривать, – резюмировал Наразии.

– Но у России есть влияние, вы можете надавить на них. Если хотите выручить своих. А не присылать человека, который не говорит ничего конкретного.

Тут я решился: будь, что будет.

– Есть конкретное! – чтобы придать весомость своим словам тряхнул головой и с силой стукнул правым кулаком в левую ладонь. Получился звонкий «шлёп», довольно убедительный, на мой взгляд. Наразии вопросительно уставился на меня. – Только это совершенно секретное российское предложение, не пакистанское. И мне поручено передать его тебе без свидетелей. Окружавшие нас талибы неодобрительно и гневно зашумели.

– Потом ты сможешь обо всем рассказать своим людям, я понимаю, что окончательное решение вы принимаете вместе.

Наразии задумался.

– Конечно, я расскажу, но к чему такие сложности, говори прямо сейчас.

Боевики такой подход приветствовали.

Однако я возразил:

– По логике – да, все верно, но у меня приказ начальства, я обязан ему следовать, извини. Сначала – только мы, потом

поступай как тебе угодно.

Нарази махнул рукой и талибы, хоть и зароптали, покинули комнату. Мы остались вдвоем, не теряя времени, я подошел к нему почти вплотную и шепнул: – Я тогда все узнал, звонил тебе, но никого в посольстве уже не было, в общем, твоя жена и дети живы-здоровы, я все устроил, их не тронули, и они ждут тебя.

Афганец вздрогнул, мгновенно утратив каменно-бесстрастный вид, как-то резко и беспомощно выдохнул.

– Слушай внимательно, – я говорил быстро, чтобы не дать ему опомниться, – все можно организовать, вы получите вертолет, он доставит вас в любую точку в зоне племен.

Нарази отстранился от меня, сцепил руки, чтобы унять дрожь. Он колебался, это бросалось в глаза.

– Мои люди никогда не пойдут на это. Что я им скажу? У тебя нет никакого секретного предложения, ты нас обманул, они убьют тебя.

– Нет, есть! – горячо воскликнул я. – В том-то и дело, что есть, на карту поставлено очень многое, только ваша безумная выходка всё может пустить под откос. Ты не забыл, о чем просил в Исламабаде, когда мы виделись в последний раз? Так вот, в Москве очень долго решали, бюрократия, сам понимаешь, но идея правильная, нам ни к чему американцы и натовцы в Афганистане, от этого всем только хуже. Теперь нужен контакт с вашими руководителями, с муллою Омаром, ты для нас просто находка, станешь посредником. Сейчас от тебя зависит судьба Афганистана. Объясни это своим головорезам. Убеди их. Ты сможешь.

Нарази был взволнован. Колебался, несколько раз прошелся по комнате, посверкивая глазами-маслинами. Наконец принял решение.

...Вертолет МИ-17 сел на пристанционной площади Ланди Котала. Кроме пилота, в кабине укрылись пятеро рейнджеров. Они в упор расстреляли талибов, когда те разместились в салоне. Командир рейнджеров пустил Нарази пулю в висок. Тот и охнуть не успел. В общем, все благополучно завершилось. Заложники спасены, террористы – мертвы. У меня пытавали – и пакистанцы, и наши

– как мне удалось уломать талибов. Я ссылаясь на свои давние доверительные отношения с Нарази, это, мол, помогло убедить его отказаться от своих планов.

Пакистанцы не поверили, догадались, что русский темнит.

Послу я честно признался, что обманул афганца, посулив союз России с Движением Талибан. Ложь во спасение. Не талибов, конечно.

О том, что я солгал дважды, я умолчал. Тогда, в Самангане, достумовцы устроили настоящую резню. Жену и девочек Нарази растерзали. Но он об этом так и не узнал.

[1] Если будет на то воля Аллаха.

[2] Разбойники (пушту, урду).

Об авторе: АРТЕМ РУДНИЦКИЙ

Дипломат и историк. Работал в российском посольстве в Пакистане в 1999-2004 и 2007-2011 годах. Профессор Дипломатической академии. Автор ряда книг, среди них «Виткевич. Бунтарь. Солдат империи» и «Верхом на тигре. Дипломатический роман в диалогах и документах». Ведет блог на сайте Радио «Эхо Москвы» // <https://echo.msk.ru/blog/artemrud/>
Некаыалар